

БЕЛИНДА

Рода
Броутон

Старая добрая... Англия

Рода Броутон

Белинда

«Азбука»

1883

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Броутон Р.

Белинда / Р. Броутон — «Азбука», 1883 — (Старая добрая... Англия)

ISBN 978-5-389-33965-1

1880-е годы. Молодая англичанка Белинда Черчилль проводит время в Дрездене вместе с бабушкой и своей легкомысленной сестрой Сарой. Единственное, что омрачает их беззаботный отдых, — это жених Сары (седьмой по счету), профессор Форт, пожилой и до ужаса скучный педант. Белинда же знакомится с молодым человеком Дэвидом Риверсом. Между ними вспыхивает взаимное чувство, однако Белинда, стеснительная и неспособная открыто выражать эмоции, производит на Дэвида впечатление холодной и неприступной девушки. Когда Дэвида срочно вызывают в Англию, он отправляет Белинде лишь короткое и сухое письмо. Потерявшая голову от горя и неопределенности Белинда решает, что любовь — не для нее, и в порыве отчаяния совершает роковую ошибку... Эта книга — идеальный выбор для поклонников викторианской прозы и классических женских романов. Она будет интересна тем, кто любит истории о сложном выборе между долгом и чувством, а также ценит тонкий английский юмор.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33965-1

© Броутон Р., 1883
© Азбука, 1883

Содержание

Предисловие редактора	6
Период первый	8
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	22
Глава V	27
Глава VI	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Рода Броутон Белинда

Rhoda Broughton
BELINDA

Перевод с английского Анны Энгельгардт под редакцией Константина Анисимова

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

Предисловие редактора

Живи Рода Броутон в наши дни, она, скорее всего, была бы автором дерзкого блога с миллионами подписчиков или сценаристом остроумных сериалов в духе «Флибэг». Но она родилась в 1840 году в семье священника в Северном Уэльсе, в мире, где от женщины ждали кротости, молчания и умения вышивать крестиком. Рода выбрала другой путь – она взяла в руки перо и стала самой обсуждаемой, самой обожаемой и самой «опасной» писательницей своей эпохи.

Рода выросла в замкнутом мире старинного поместья, но пасторальная тишина не сделала ее характер мягким. Напротив, она с детства обладала тем самым «рентгеновским» зрением, которое позволяло ей видеть насквозь человеческие слабости.

Свой первый роман она написала от скуки буквально за несколько недель, и, когда он был опубликован (сначала анонимно), Англия ахнула. Почему? Потому что Рода Броутон первой решилась заговорить о том, что у молодых викторианских девушек тоже есть чувства и чувства эти – не всегда возвышенные. Ее героини хотели любить, могли ошибаться, они злились, язвили и – о ужас! – могли первыми признаться в симпатии.

Знаменитый издатель того времени Джон Мюррей наотрез отказался печатать ее книги, заявив, что они «выходят за рамки приличий». Консервативного Мюррея шокировали откровенные описания женских чувств, которые он считал чересчур «сенсационными» и аморальными. Однако после этого отказа Броутон нашла поддержку у своего дяди, известного автора готических рассказов Шеридана Ле Фаню. Именно он помог племяннице опубликовать первые работы в своем журнале, дав старт ее литературной карьере.

Вскоре основным издателем писательницы стал Ричард Бентли, который буквально разбогател на ее бестселлерах. И хотя критики были в ярости, называя творчество Броутон «грубым», «чувственным» и опасным для молодых читательниц, сама публика рассудила иначе. Романы Роды Броутон пользовались феноменальным успехом: они разлетались с полок магазинов быстрее, чем их успевали подвозить.

Рода создала новый тип героини – *Broughton girl*. Это была девушка, которая могла перелезть через забор, громко рассмеяться над шуткой и обладала тем, что сегодня мы называем харизмой. Белинда, героиня написанного в 1883 году одноименного романа, – одна из самых сложных и тонких представительниц этого племени. В ней «неприступная манера» борется с жадой жизни, а ледяная вежливость скрывает вулкан страстей.

Сама Рода была женщиной поразительного ума и независимости. Она так и не вышла замуж, предпочтя карьеру и свободу. Она была душой оксфордского общества, славилась своими обедами, где за столом собирались самые блестящие умы эпохи. Говорят, что ее побаивались даже маститые ученые – ее едкий юмор бил без промаха. Рода была близкой подругой Генри Джеймса и наставницей многих молодых писателей. Однако чем старше она становилась, тем больше собственная слава начинала ее тяготить. Она иронично замечала: «Сначала меня считали чудовищем, которое развращает умы, а теперь я превратилась в безобидную старушку, чьи книги кажутся слишком скромными на фоне новых веяний».

Забвение Роды Броутон в XX веке выглядит как досадное историческое недоразумение. В дореволюционной России ее активно переводили, печатали в популярных журналах и издавали отдельными книгами. Русская публика того времени, воспитанная на Тургеневе и Толстом, находила в ее прозе удивительную психологическую точность и ту самую европейскую «живинку».

Однако после 1917 года в России и с появлением новых литературных веяний в Англии слава писательницы стала стремительно таять. В Советской России ее романы сочли «буржуазными» и «легковесными», а на ее родине критики-модернисты поспешили списать ее в архив

вместе с кринолинами и турнюрами, решив, что ее ироничные истории – это лишь развлечение для ушедшей эпохи. Она, некогда королева библиотек, чьи тиражи заставляли завидовать мужчин-писателей, оказалась в тени на долгие десятилетия.

Читать «Белинду» сегодня – значит слышать голос женщины, которая не побоялась быть искренней в эпоху строгих запретов. В этом романе Броутон отразила все то, чем была характерна ее собственная жизнь: иронию над сухой академической средой (профессор Форт как типичный представитель), любовь к путешествиям и, конечно, то самое мучительное несовпадение между внутренним огнем и внешней сдержанностью.

Персонажей романа назовешь картонными. Броутон пишет о людях, которые живут обычной жизнью и испытывают обычные чувства – страдают от жары, недовольны едой в плохих трактирах и ощущают себя словно облитыми из ведра ледяной водой, когда их отвергают.

Рода Броутон однажды сказала, что ее единственное желание – чтобы ее книги не были скучными. Спустя полтора столетия можно с уверенностью сказать: это желание исполнилось. В ее прозе нет нафталина, зато много весеннего ветра, горьковатого юмора и надежды.

Это первое крупное произведение Роды Броутон, которое выходит на русском языке спустя долгие десятилетия. Открывая эту книгу, вы приглашаете в собеседники одну из самых остроумных женщин XIX столетия. Позвольте ей рассказать вам историю Белинды – историю, в которой она оставила частичку своего никогда не остывавшего сердца.

Период первый

*Пойдемте, друг мой, к розе той,
Что в ризе пурпурно-золотой
Раскрылась утру на рассвете.
Посмотрим, не завял ли цвет,
Не смыт ли розовый отсвет
Вечерней тенью при привете.*

*Увы! Взгляните: в краткий час
Краса ее уже зажглась
И пала, землю устлая.
О мачеха-природа! Ты
Дашь нам дивные цветы
Лишь от утра до тени края.
О, если верите вы мне,*

*Пока вы в утренней весне
И в цвете лет, моя святыня, —
Срывайте ж юности цветы,
Чтоб не сорвала красоты
Угрюмой старости пустыня¹.*

Глава I

*Меж куц тенистых и аллей
Резвится Весна, нарядна и весела².*

Так же весело, как и повсюду, в дрезденском Гроссер Гартене³ этим майским днем празднует свое воцарение радостная и нарядная Весна. И хотя в ее озорстве порой еще сквозит готовность больно ущипнуть, а в ее зеленой улыбке таится некая колкость, множество ликующих подданных вышли воздать почести своей новой королеве. Да, именно множество; в такой день дрезденцы – таков их обычай в каждый первый день мая – стремятся в Гроссер Гартен пешком и в экипажах, чтобы приветствовать юную правительницу года. В честь нее устраивается цветочное торжество: все бросают друг другу букеты. Над головами деревья уже подернуты первой листвою; на боковых дорожках теснятся пешеходы; вдоль широких аллей весело катят экипажи. А вот и весьма щегольской выезд. Неужели это сам король Саксонии? Вовсе нет! Это всего лишь граф фон С., с самодовольным видом восседающий в одиночестве в открытой коляске, утопающей в изысканных букетах. Она запряжена четверкой рыжих лошадей; впереди, подпрыгивая в такт движению, едет форейтор в алом бархате, а сзади браво трусит вер-

¹ Стихотворение французского поэта XVI века Пьера де Ронсара «Ода к Кассандре». Перевод В. Левика.

² Цитата из пьесы Джона Мильтона «Комос». Перевод Ю. Корнеева.

³ Гроссер Гартен – самый большой и популярный общественный парк Дрездена, основанный в 1676 году курфюрстом Иоганном Георгом III. Он представляет собой барочный садово-парковый ансамбль с симметричными аллеями.

ховой лакей в таком же наряде. Англичанин чувствовал бы себя дураком на его месте, но этот счастливый германец бесконечно далек от подобных мыслей.

Вот наконец и королевская чета, с кучером и лакеем в ливреях мышиного цвета; они проезжают, раскланиваясь и улыбаясь с такой приветливой важностью, будто и в самом деле являются великими монархами⁴. Никто не спешит уступить им дорогу; не видно ни одного шуцмана⁵; никто не расчищает путь в обязательном порядке, как это бывает, когда принцесса Уэльская безмятежно катит по аллее. Военных здесь в избытке; но они по большей части не думают ни о войне, ни даже о пиве; их мужественные руки полны невинных нарциссов и нежных первоцветов; конные гвардейцы в светло-голубых мундирах и плоских голубых фуражках снуют взад и вперед на лоснящихся конях, держа в руках букеты из роз, азалий, дейций и гиацинтов и высматривая серьезными серыми глазами тех счастливых красавиц, которым те букеты предназначаются.

Два оркестра весело оглашают воздух военными маршами, а большой гулкий барабан заставляет даже лошадей вздрагивать и беспокоиться. Наконец появляется, как бы для разнообразия, настоящий английский выезд. Одного взгляда хватит, чтобы определить его национальную принадлежность. Сидящие как влитые, прямые как стрела слуги в скромных ливреях; простая, но сияющая упряжь; статные гнедые с лоснящейся шерстью, ступающие в лад, – кто может усомниться в том, что это действительно англичане? Но вот появляются и другие – в наемных экипажах. О, добрые саксонцы, не судите о нас по ним! Это далеко не лучшие представители нашей нации! И все же именно в одной из таких наемных колясок сидят две молодые особы, за которых Англии никоим образом не приходится стыдиться и которые сами себя ничуть не стыдятся. Впрочем, сейчас они не слишком счастливы: лицо одной выглядит сердитым, а другой – тревожным.

– Не вернуться ли нам домой, Белинда? – спрашивает та, что посердитее.

– Да ведь мы только что приехали! – возражает ее спутница.

Проезжает русский экипаж; у кучера шляпа, как у стражника Тауэра, и длинный суконный кафтан со сборками на талии. Затем вновь проезжают немцы с пучками нарциссов, украшающими уши их лошадей и петлицы их слуг. Вот конногвардеец, взобравшись на козлы кареты, правит шестеркой лошадей; рядом с ним – доверившаяся ему дама в розовой шляпке. Она безмятежно наслаждается своим положением, несмотря на безнадежную путаницу, воцарившуюся в бесчисленных вожжах ее героя. Другой конногвардеец бросает ей букет, но неудачно: цветы падают на дорогу, и колеса переезжают их. Это зрелище окончательно подрывает стойкость сестры Белинды.

– Я должна предпринять какой-нибудь отчаянный шаг, чтобы привлечь внимание, – раздраженно говорит она, хотя в ее недовольстве и проскальзывает нотка юмора, смягчающая ее досаду. – Что ты посоветуешь? Не испугаться ли мне грохота большого барабана и не вскрикнуть ли погромче? Или, может быть, это сделаешь ты?

– Уж точно не я, Сара!

– Ума не приложу, что с ними со всеми случилось! Они, должно быть, лишились рассудка! Ты замечаешь, что никто из них не бросил нам ни одного букета?

– С какой стати им это делать? – отвечает Белинда. – Мы ведь никого из них не знаем.

– Даже если они нас не знают, они могли бы бросить нам хоть несколько цветков, – ворчит Сара. – Я уверена, что они видят, как нам этого хочется, и для этого вовсе не требуется долгого знакомства.

– Я бы сочла такой поступок крайней дерзостью! – высокомерно отвечает Белинда.

Ее сестра лишь надула губы.

⁴ С 1871 года саксонские короли считались подданными германского императора.

⁵ Шуцман – член шуцманшафта («охранных команд») Германской империи с середины XIX века.

– Что до меня, то я бы хотела, чтобы они начали проявлять эту дерзость немедленно!

Но к подобному поведению у саксонского офицерства, очевидно, нет ни малейшей склонности. Оставленные без внимания девушки молча едут дальше. Солнце ярко светит, дует восточный ветер, ухает большой барабан и ревут медные трубы, а они медленно следуют вокруг пруда, по прямым аллеям, мимо Музея древностей. Дождь весенних букетов сыплется вокруг, но ни один из них не предназначается для их скромного ландо; ни один даже случайно не попадает к ним на колени.

Лицо Сары омрачается еще больше, а в глазах Белинды тревожное, ищущее выражение становится еще заметнее. Но если она никого здесь не знает, то кого же она ждет?

– Впрочем, – заговорила Белинда, – ты ведь знала, Сара, когда так рвалась сюда, что мы не встретим здесь ни одного знакомого, кроме профессора Форта, и...

– Ну и где же он, позволь спросить? – вскричала Сара со взрывом искренней досады, который, кажется, принес ей ощутимое облегчение. – Разве я не велела ему явиться минута в минуту? Даже он был бы лучше, чем ничего!

Белинда иронически улыбается.

– Какая восторженная форма похвалы человеку, за которого ты собираешься выйти замуж!

Но Сара не слушает ее. Глаза ее устремлены на боковую дорожку, где теснятся пешеходы.

– Вон он! – кричит она с отвращением в голосе. – Его ни с кем не спутаешь! Видела ли ты когда-нибудь в жизни такую походку? Посмотри, как он плетется, шлепая по мостовой своими здоровенными плоскими ступнями!

Белинда смотрит в указанном направлении и среди статных, высоких солдат без труда различает неряшливую фигуру средних лет: похожую на священника, если судить по сюртуку, и на ученого, если судить по очкам. Заложив руки за спину и слегка сдвинув шляпу на затылок, он рассеянно бредет по дорожке.

– Возможно ли? – кричит Сара, приподнимаясь с места, голосом, почти пугающим от ярости. – Да это просто чудовищно! Невероятно! И все же это правда: он не принес мне букета!

– Нет, принес, – спокойно отвечает Белинда, – только он настолько мал, что нужно иметь острое зрение, чтобы его разглядеть.

Пока они говорят, предмет их наблюдений замечает их присутствие и, обратив к ним свой отрешенный взгляд ученого, неловко бросает в их сторону крошечный букетик не первой свежести фиалок. Цветы падают на колени его невесты, но ненадолго. Гневным жестом – прежде чем Белинда успевает ее остановить – Сара вышвыривает их на дорогу; и в то же мгновение конногвардеец на шестерке вороных коней вместе со своей спутницей, следующие мимо, проезжают через него. К счастью, благодаря своей близорукости даритель избавлен от этого унижительного зрелища.

– Боюсь, я промахнулся, – оправдывается мистер Форт, оглядывая сквозь очки внутренность коляски, когда та останавливается рядом с ним. – Боюсь, букет, который я вам кинул, упал в стороне.

– О нет, он попал куда нужно! – отвечает Сара с какой-то свирепой игривостью. – Но так как он был слишком велик, чтобы я могла его унести, то я его выкинула.

– Как вы запоздали! – торопливо перебивает Белинда, стараясь сменить тему и доброй улыбкой загладить «учтивую» реплику сестры. – Мы так вас заждались, что невольно пришли в дурное расположение духа.

– Меня задержала досадная случайность, – раздражительно отвечает жених ее сестры. – Выйдя из дому, я обнаружил, что восточный ветер гораздо резче, чем я ожидал, – прибавляет он с дрожью, плотнее застегивая пальто на своей узкой груди, – и вынужден был вернуться, чтобы надеть второе пальто. Сара знает, – довольно обиженно взглянул он на невесту, – что я чрезвычайно чувствителен к холоду.

Но Сара обращает столько же внимания на него, как и на ветер, на который он жалуется.

– Ах, браво! – радостно вскрикивает она, в то время как другой букет – на этот раз настоящий, величиной с большой круг чеширского сыра, благоухающий, как оранжерея, изысканный и дорогой, каким и подобает быть подношению юной Любви, – влетает в коляску.

Сара протягивает обе руки, чтобы схватить его; ни тени сомнения насчет его предназначения не омрачает ее триумфа, хотя стороннему наблюдателю показалось бы, что он скорее предназначается ее сестре – Белинде. Та тоже протянула было руки, но поспешно отвела их с заботливой тактичностью по отношению к сестре, а затем, хоть и с немного отсутствующим взглядом, принялась выслушивать саркастические сентенции профессора насчет нелепости проведения увеселений на открытом воздухе в такую погоду. Она слушает профессора, лицо ее обращено к нему и отвернуто от сестры, однако ее уши не пропускают ни единого слова из восторженных благодарностей, что изливает на кого-то ее сестра.

– Подойдите ближе, я хочу поблагодарить вас! – слышит Белинда ее кокетливый возглас. – Я не могу протянуть вам руки, потому что обе заняты; но это по вашей собственной вине. Какой великан этот букет! Какой прелестный и свежий! *(Очевидно, вдыхая его аромат.)* Он совершенно вернул мне хорошее настроение после этого отвратительного зрелища. Уверяю вас, меня еще никогда в жизни так не оскорбляли пренебрежением! Что за неотесанные люди! Насколько все было бы иначе, будь здесь французы! – И так далее, в том же духе.

Должно быть, ее словоохотливость не позволяет отвечать тому лицу, к которому она обращается. Но несомненно, что он удивительно молчалив. Не странно ли такое полное безмолвие в ответ на столь восторженную благодарность? Углубившись в раздумья над этой загадкой, Белинда теряет нить профессорских жалоб и, очнувшись, видит, что он сначала смотрит на нее с обиженным удивлением, а затем исчезает. Его место у дверцы экипажа занимает кто-то другой – кто-то, кто не носит очков, не сутулится и не ежится от восточного ветра, одним словом – молодой. О, какое приятное слово! Да, он молод – не той условной молодостью, какая признается обществом за каждым неженатым мужчиной моложе восьмидесяти лет, но по настоящему молод; он тот, кого еще двадцать три года назад и вовсе не было на свете.

Кто, как не пылкий юнец, стал бы так в упор глядеть на нее, обиженно шепча:

– Почему вы его не поймали? Ведь вы знаете, что он предназначался вам!

Белинда взглянула на него: счастливая, алая улыбка согрела ее лицо, которое мужчины часто находили холодным и надменным.

– Я сделала все, что могла!

– О чем вы там болтаете? – беспокойно вскричала Сара, бесцеремонно перебивая на полуслове своего жениха. – Вы говорите обо мне? Ага! У вас у обоих виноватый вид!

Ни тот, ни другая не разубеждают ее.

Четверть часа спустя сестры катят домой к своей бабушке, в их квартиру на Люттихау-штрассе, оставляя позади себя короля, королеву, графа фон С. в его коляске и храбрых солдат в голубых и зеленых мундирах. Белинда наклонила свою изящную головку и самым нежным образом прижалась щекой к цветам на коленях сестры.

– Пожалуйста, не помни их! – вскрикивает Сара, предостерегающе выставив руку. – Ты как будто воображаешь, что цветы созданы для того, чтобы их жевать!

И, заметив тень неудовольствия в глазах сестры, великодушно добавляет:

– Если бы они не были все на проволоке, то я бы пожертвовала тебе одну или две гардении.

– Неужели? – иронически отзывается Белинда. Но великодушно предпочитает не оспаривать прав сестры на букет.

Глава II

Прошла ночь с тех пор, как униженные и оскорбленные фиалки профессора были выброшены на пыльную мостовую. Теперь уже утро, и Белинда сидит у окна своей спальни на Люттихау-штрассе, распахнув его настежь (к великому изумлению горничной-немки, для которой воздух непроветренной комнаты, сдобренный ароматом вчерашних сосисок и старого пива, так же дорог, как и для всей ее нации), и солнце греет ее волосы, а бодрящий воздух освежает лицо. Она пристально глядит на грушевое дерево в маленьком садике, разбитом под окнами, которое еще неделю назад едва-едва зацвело, а с тех пор с каждым днем все белело и теперь, кажется, гнется под бременем своего белоснежного цвета. Впрочем, сомнительно, что она его видит.

«Неужели это возможно? – спрашивает она себя почти с благоговением, боясь поверить тому счастливому чувству, которое расцветает у нее внутри. – Неужели это возможно?»

Легкий шум заставляет ее повернуть голову, и она видит, как большая белая дверь открывается и пропускает ее сестру.

– Ты одна? – спрашивает та.

– Разумеется, одна, – отвечает Белинда сердито. – Разве я имею привычку принимать кого-то в спальне?

Это не самый любезный ответ, но Сара не обращает на него внимания и влетает в комнату, свежая, как налившаяся соком вишенка, и нежная, как куст боярышника в цвету.

– Должно быть, я пришла некстати, – смеется она и придвигает стул вплотную к коленям сестры, – но так как для меня это очень важно, не могу позволить себе больше ждать. Я пришла, моя дорогая, просить тебя о большой услуге.

– Если так, то можешь уходить немедленно, – решительно отвечает Белинда, – потому что твердо заявляю: я ни за что не соглашусь!

– Как! Отказываешь, даже не выслушав, о чем я хочу тебя просить? – вскрикивает Сара, поднимая брови, которые природа (не без помощи пинцета) вывела тончайшими прямыми линиями на ее гладком лбу.

– Неужели ты думаешь, что я не узнаю эту старую песню? – строго вопрошает Белинда. – Я уже столько раз слышала это от тебя. Я уверена, что ты хочешь, чтобы я сказала профессору Форту о твоём намерении бросить его!

– Ты выражаешься грубо, – спокойно замечает Сара, – но я слыхала и худшее.

– Ну так знай, что я наотрез отказываюсь от этой роли! – твердо отвечает Белинда. – Во-первых, зачем ты вообще обручилась с ним?

– Зачем, в самом деле? – перебивает та, воздевая руки и глаза к небу. – Сама удивляюсь!

– И все же, – продолжает Белинда, глядя на сестру с суровым изумлением, – в письме, которым ты извещала меня о вашей помолвке, ты говорила, что не знаешь, чем заслужила такое счастье!

– Нет, нет, я этого не писала! – вскрикивает Сара, покраснев на этот раз от искреннего стыда и закрывая лицо руками. – Не говори так, это неправда! Я писала это не про него, а про кого-то другого!

– Про кого-то другого! – повторяет Белинда, презрительно морща свой красивый нос. – Как это мило и достойно – переходить из рук в руки! Кого-то другого!

– Быть может, это и не слишком достойно, – дерзко отвечает Сара, хотя под словесными ударами сестры у нее даже шея покрывается краской, – зато не так уж и неприятно!

– Ты же знаешь, – продолжает Белинда сурово, – что я дала клятву больше не вмешиваться в твои дела после той тягостной сцены с бедным Маннерсом, который ползал на коленях за мной по комнате и, рыдая, хватал меня за платье!

– Он вечно рыдал! – восклицает бессердечная Сара. – Я видела, как он обливался слезами, точно садовая лейка!

– Я уже шестерым мужчинам объявила, что ты просто водила их за нос, – продолжает старшая сестра, презрительно пропуская мимо ушей неубедительную попытку младшей оправдаться.

– Шестерым? Ну полно, ты преувеличиваешь!

– Повторяю: шестерым! И думаю, что я кого-нибудь пропустила. Не хочу говорить это седьмому!

– Седьмому?!

– Если ты намекаешь, что я преувеличиваю, то я готова пересчитать их по пальцам. Во-первых, – перечисляет Белинда, отгибая свои длинные белые пальцы, начиная с большого, – во-первых, юный Маннерс!..

– Мы уже его считали!

– Во-вторых, – она переходит к указательному пальцу, – полковник Грин. Бедняга, он тоже рыдал!

– Тем позорнее для него! – слышится дерзкий ответ.

– В-третьих, молодой пастор, которого ты подцепила на морском берегу и имени которого я никак не припомню.

– И я тоже! – восклицает Сара с оживлением. – Не правда ли, как странно! Тьфу, как же его звали? Кажется, его фамилия начиналась на «Б»?

– В-четвертых, – продолжает беспощадно перечислять Белинда, дойдя до следующего пальца, – старый лорд Блюхер, который был так глух, что я никак не могла втолковать ему, что имею в виду.

Но легкомысленная Сара все еще ищет потерянную первую букву фамилии своего поклонника.

– Я почти уверена, что она начиналась на «Л»! – задумчиво говорит она.

– В-пятых, – вытягивает мизинец Белинда, – мистер Брабазон.

– Ты считала его раньше!

– Нет, не считала.

– Я уверена, что считала.

– А я уверена, что нет; но для большей верности готова начать все сначала. Во-первых, – она возвращается к большому пальцу, – бедный юный Маннерс...

– Стой! – громко кричит Сара, затыкая пальцами уши и бросая попытки вспомнить фамилию пастора. – Готова согласиться, что их было шесть, шестнадцать, шестьдесят – сколько угодно, только прекрати, пожалуйста, свою невыносимую арифметику!

Белинда уже собиралась перейти к другой ладони, но при этой уступке опустила обе руки на колени и перестала считать. Воцарилась тишина. Блуждающий взгляд Сары уныло замер на белой изразцовой печи, а задумчивый взор Белинды устремился в окно, охватывая разом и поэзию цветущей груши, и прозу Богемской железной дороги⁶ вместе с уродливыми, вытянутыми в линию оштукатуренными домами за ней.

– Не могу постичь, чем ты руководствовалась в данном случае? – говорит наконец Белинда, обращаясь к сестре с судейским видом. – Уж конечно, тут не могло быть ни выгоды, ни удовольствия.

– Разумеется, нет, – отвечает Сара, глубоко вздыхая и покачивая головой из стороны в сторону, – всякий, кто только на него взглянет, снимет с меня всякое подозрение в любом из этих мотивов!

⁶ Богемская железная дорога – государственная магистраль, соединявшая Дрезден с Прагой (Богемией).

– Подобная победа не могла даже льстить твоему тщеславию! – продолжает безжалостно Белинда.

– Нет! Она льстила моему тщеславию! – возражает Сара, оставляя свою унылую позу и начиная говорить с оживлением, показывающим, что ей не совсем по вкусу такое полное обесценивание ее последней жертвы. – Возможно, ты и невысокого о нем мнения, но уверяю, что в Оксбридже⁷ его считают великим светилом. В доме, где я встретила с ним, его носили на руках: говорят, он написал книгу о дигамме⁸!

– А что такое дигамма? – спрашивает Белинда, оставаясь совершенно равнодушной к такому свидетельству эрудиции.

– Как? Ты не знаешь, что такое дигамма? – восклицает Сара, вскидывая брови в напускном изумлении. – Ну, тогда *(заливаясь смехом и даже позволяя себе подмигнуть)* по секрету скажу: я тоже не знаю!

– Но ты не можешь, полагаю, жить одной дигаммой! – говорит Белинда с серьезным видом, не заражаясь веселостью сестры.

– И не желаю пробовать! – все еще смеясь, отвечает та.

– В таком случае я все-таки ничего не понимаю.

– Ну, если хочешь, то, конечно, дело не в одной только дигамме, – неохотно отвечает Сара, припоминая прошлое, – хотя, насколько я могла заметить, это и есть его *cheval de bataille*⁹; но в университете его считают гением. Ты бы видела, как все сидели у его ног, – а ты заметила, какие у него лапищи? – и ловили каждое его слово. Там была одна девица из Гиртона¹⁰, так та буквально ходила за ним по пятам: грела для него пальто и подавала калоши!

– Ну и что из этого?

– Ну, знаешь, – нетерпеливо отвечает Сара, словно объясняя нечто само собой разумеющееся, – надо быть просто каменным, чтобы видеть все это и не вмешаться. Я тоже бросилась в бой. Я тоже стала греть его пальто и подавать ему калоши! Уф! Какого они были размера! Я могла бы преспокойно и с удобством поселиться в одной из них!

– И что же?

– «Что же»? Как бы не так! По-моему, это просто скверно!

– На этот раз имею счастье быть с тобой полностью согласной.

– Ну вот, как я уже говорила (с тяжелым вздохом возобновляя нить рассказа), я бросилась в бой. И одержала победу, нелегкую победу! Ты знаешь, что из этого вытекает, как говорится в книжках?

– Не знаю и знать не хочу. Знаю только одно: я не желаю иметь с этим ничего общего!

– Нет? А между тем, – заискивающе замечает Сара, – когда с моими поклонниками объясняешься именно ты, то выходит гораздо лучше.

– Лучше или хуже, а я больше не стану с ними объясняться.

– Когда ты даешь им отставку, это их не так обижает! Мне кажется, право, им это бывает даже приятно.

Повисает пауза. Тишина прерывается только резким свистом отъезжающего паровоза.

– Зачем ты вообще притащила его сюда? – спрашивает наконец Белинда, оставаясь непреклонной, как гранит, перед всеми уговорами сестры.

– Боюсь, я не смогу себя за это оправдать, – отвечает Сара виноватым голосом, снова повесив нос, – но, по правде говоря – а я всегда стараюсь быть честной, – наступило затишье! Под рукой никого другого не было, и я подумала, что он может быть полезен и интересен! –

⁷ Оксбридж – собирательный термин, который обозначает Оксфордский и Кембриджский университеты, старейшие в Великобритании.

⁸ Дигамма – исчезнувшая буква древнегреческого алфавита.

⁹ Главный конек (фр.).

¹⁰ Гиртон-колледж – первый женский колледж в Кембридже.

И тут, переменив тон и с крайним раздражением, прибавляет: – Но я жестоко ошиблась: он слишком неуслужлив, чтобы быть полезным, и слишком носится с собой, чтобы быть занимательным!

Наступила новая пауза. Небольшой порыв ветра в окно осыпал дождем белых лепестков колени Белинды.

– Вот если бы мы поменялись местами, – начинает Сара, опускаясь на колени у локтя старшей сестры и складывая руки с вкрадчиво-умоляющим видом, – если бы ты оказалась в затруднительном положении...

– Я никогда не оказываюсь в затруднительном положении.

– Не вижу причин этим хвастаться, честно говоря! – бросает Сара, вскакивая на ноги.

– И я также, – отвечает Белинда сухо. – Я никогда не бываю в «затруднительном положении», как ты это называешь, потому что мне никогда не представляется случая попасть в него; быть может, если бы такой случай представился, то я бы и воспользовалась им; но ты хорошо знаешь (подавляя вздох), что я не нравлюсь мужчинам.

– Это очень странно, не так ли? – замечает Сара, не пытаясь спорить, но глядя на сестру с выражением сострадательного любопытства. – Ума не приложу, в чем причина. Иногда мне кажется, что все дело в твоём носе!

– В моем носе? – быстро повторяет Белинда, невольно оглядываясь в поисках зеркала и поднося руку к лицу. – А что не так с моим носом?

– С ним-то все в порядке, – отвечает Сара, продолжая оценивающе мерить взглядом внешность сестры. – Напротив, я нахожу, что он слишком хорош! Но не могу представить себе, чтобы мужчина мог влюбиться в такой нос. Он слишком красив и велик, чтобы внушать что-либо, кроме благоговейного трепета!

– Да не так уж он и велик! – поспешно восклицает Белинда.

Она достает из кармана тонкий платок и принимается его уголком измерять свой нос.

– Вот, – прибавляет она, отмечая пальцем крошечный отрезок, – всего-то столько!

– Тут дело не в мерке, – важно замечает Сара, – я видала носы побольше твоего, но которые были далеко не так величественны. Дело в ощущении: твой нос как будто выражает пренебрежение мужчинами. Заметь мои слова, – прибавляет она с хитрым взглядом, – единственное, чего мужчины не выносят и не прощают, – это пренебрежение.

Белинда с горечью усмехается.

– Ясно; значит, ничто, кроме ампутации, не может сделать меня привлекательной, да и то, боюсь, это ни к чему не приведет. Но я не понимаю, почему мы вообще перешли на обсуждение меня.

– У меня был маленький план, – говорит Сара, причем ее воздушная веселость снова сменяется мрачностью при мысли о собственных невзгодах, – но ты его спутала.

– Что еще за план? – сухо спрашивает Белинда.

– Ты же знаешь, – медленно становясь на колени и принимая прежний вкрадчивый тон, говорит Сара, – что мы сегодня едем в Морицбург¹¹, ты и я; само собой разумеется (с гримасой), что профессор Форт последует туда за нами, как и молодой Риверс, у которого, кажется, вошло в привычку – вовсе не предосудительную! – следовать за нами по пятам.

– Ну и?.. – спрашивает Белинда, слегка отвернув голову.

– Так вот, я подумала, что хоть раз ты могла бы проявить любезность: как бы невзначай составить пару моему «жениху» и осторожно сообщить ему, что никто – и меньше всех я – не помешает ему вернуться обратно в Оксбридж к своей дигамме!

¹¹ Морицбург – загородная резиденция саксонских курфюрстов и королей, расположенная в 14 километрах от Дрездена. Знаменита своим барочным охотничьим замком посреди озера и обширными парками. В XIX веке это было излюбленное место для загородных прогулок и пикников дрезденского общества.

– А ты тем временем?.. – спрашивает Белинда тихим, сдавленным голосом, все еще не поворачивая лица.

– А я тем временем, – весело отвечает Сара, – убью двух зайцев одним выстрелом: расчищу себе путь и выражу признательность за ту копну гардений... буду гулять рука об руку по весеннему лесу с...

Но этой фразе не суждено было быть законченной.

Белинда вскакивает со своего места так неожиданно и резко, что чуть не опрокидывает сестру, беспечно прислонившуюся к ней, и высовывается в окно, словно ей не хватает воздуха даже в этой прохладной комнате.

Прошла минута, прежде чем она заговорила, и голос ее прозвучал странно:

– Я уже сказала тебе, что раз и навсегда отказываюсь впутываться в твои интриги. Я запрещаю тебе снова заводить со мной этот разговор.

– Что-о-о-о? – произносит наконец Сара вполголоса, приходя в себя от замешательства, вызванного поведением сестры. – «Запрещаю»! Какое гадкое слово! Впрочем, – задумчиво прибавляет она, – я не слишком удивлена, что мужчины тебя боятся. Я сама иногда боюсь тебя, а поэтому неудивительно, что они дрожат перед тобой и не смеют слова сказать.

– Сколько раз ты собираешься мне это повторять? – вскрикивает Белинда, резко оборачиваясь в порыве гнева. – Неужели ты думаешь, мне очень приятно слышать, что я не способна внушить ничего, кроме страха и отвращения? Я знаю это не хуже тебя, но мне надоело это слышать!

– А ведь ты могла бы внушать совсем иные чувства, – замечает Сара с чисто артистическим сожалением. – Какая жалость видеть, что такие качества, которые прославили бы меня, у тебя пропадают совершенно впустую! Полагаю, – добавляет она со вздохом, – это все та же старая история о людях с завидным аппетитом, которым нечего есть, и о тех, у кого еды в избытке, но совсем нет аппетита.

Глава III

*Майской радости ради, с прыжками да скоками,
Птицы пели на ветках с нежными соками,
Словно пели в капелле Венеры клирики.
А бутоны роз, в мир пуская ростки,
В каплях берилла – небесной росы —
Пламенели в лучах, как рубины-лирики.
И небеса звенели от песен жаворонков¹².*

И вот под высоким полуденным солнцем сестры едут в Морицбург – красивые, веселые и свободные от опеки. Конечно, их бабушка, дама еще вполне крепкая, могла бы сопровождать их; но поскольку ей уже шестьдесят пять лет, она не рассчитывает встретить на прогулке поклонника и совершенно равнодушна к красотам весенних пейзажей и немецких замков, а потому благоразумно остается дома.

«Если вы не можете вести себя как подобает благовоспитанным девушкам, без того, чтобы я таскалась за вами как тень, то могу сказать лишь одно: что мне вас очень жаль, мои милые» – вот фраза, которой она постоянно напутствует их и успокаивает свою совесть. Результат оказывается, однако, не хуже того, какой мог бы получиться от более пространных нотаций: девушки, сознавая, что отпущены, так сказать, под честное слово, ведут себя вполне благопристойно; по крайней мере, Белинда всегда так ведет себя, а Сара – очень часто.

Они быстро усаживаются в коляску, бросая тревожные взгляды на дом, стоящий чуть дальше по улице, – им волей-неволей придется проезжать мимо.

– Сара, – говорит Белинда, бессознательно понижая голос, – если ты услышишь, что открывается окно, смотри не оборачивайся: она вполне способна закричать нам прямо с балкона; и если узнает, куда мы едем, то непременно потребует взять ее с собой.

– Если она сегодня заберется в эту коляску, то только через мой труп! – твердо отвечает Сара.

И они трогаются в путь.

Старательно закрываясь зонтиками и затаив дыхание, проезжают они мимо опасного дома. Их тревоги оказываются напрасными. В доме ничто не шелохнется. И вот они уже едут через Эльбу по многоарочному мосту, где люди, более досужие, чем в нашем суетливом Лондоне, стоят и смотрят, как плоты плывут по реке, лавируя между сваями; через Нойштадт¹³, где в бронзе застыл вечно гарцующий Август Сильный¹⁴; мимо Лейпцигского вокзала, под акациевой аллеей, оставляя по правую руку огромные, новые, унылые казармы на фоне соснового бора; все дальше и дальше между молодыми березками с серебристыми стволами и первой листвой, обступившими дорогу по обе стороны; прочь из Дрездена, на загородную прогулку.

Сестры не разговаривают друг с другом. Белинда про себя твердит одно и то же: «Его там не будет! Да я совсем и не жду его». Она говорит это в суеверной надежде обмануть завистливых богов: если ей удастся убедить их в своей равнодушии, они, быть может, исполнят ее желание. Но сильно бьющийся пульс и ярко рдеющие щеки говорят иное. Иное говорят и щебе-

¹² Орывок из поэмы «Золотой щит», написанной шотландским поэтом рубежа XV–XVI веков Уильямом Данбаром.

¹³ Нойштадт (Новый город) – исторический район Дрездена на правом берегу Эльбы, расположенный прямо напротив Старого города (Альтштадта).

¹⁴ Август II Сильный (1670–1733) – легендарный саксонский курфюрст и польский король.

чушие птицы на деревьях, и шелковистая трава на лужайках, и распускающиеся почки. Они все твердят одно: «Он будет там! Он будет там!»

Они уже выехали за город и мерно покачиваются в коляске под лучами солнца, откинувшись на подушки, как вдруг Белинда пробуждается от своих мечтаний испуганными восклицаниями Сары, торопливо следующими одно за другим:

– Белинда! Она тут! С твоей стороны! Скорее! Скорее закройся зонтиком! Может быть, она нас не увидит!

С быстротой молнии Белинда повинуется. В полном невнимании к положению солнца зонтик ее склоняется в нужную сторону, превращаясь в непроницаемый щит.

Но ее усилия тщетны. Бывают такие глаза – жесткие, цепкие и невыносимо любопытные, для которых что зонтик, что каменная стена – все равно как стекло.

Кучер сдерживает лошадей, и Сара, сердито приказывающая ему ехать быстрее, убеждается, что для этого ему следует переехать дородную даму средних лет, которая, стоя посреди дороги с поднятыми руками, размахивает зонтиком, крича во все свое луженое горло: «*Halt, Kutscher!*»¹⁵

– Бесполезно! – говорит младшая сестра с унылым отчаянием, откидываясь назад на подушки. – От нее нельзя никогда уйти!

В одно мгновение дама, о которой идет речь, просовывает в коляску разгоряченное красное лицо с седоватой челкой и туловище, облаченное в клетчатое черно-белое платье.

– Я боялась, что вы меня не заметите! – говорит она, с жаром пожимая им руки. – Как поживаете? Куда это вы собрались? Я нарочно остановила вас, чтобы узнать, куда вы едете. В Морицбург? Ах, как мило! Я бы хотела тоже поехать в Морицбург! – И так как за этим прозрачным намеком не последовало никакого приглашения, то прибавляет: – Мне кажется, у вас в коляске так просторно, что вы могли бы найти мне в ней местечко.

– Мы были бы очень рады, – с подозрительной поспешностью замечает Белинда, – но я боюсь...

– Ах, мне все равно, где сидеть; я могу отлично поместиться и на передней скамейке. Если бы вы так же много путешествовали, как я, то и вам было бы все равно.

– Если бы Белинда путешествовала так же много, как вы, – саркастически замечает Сара, – то, уверена, единственным ее желанием было бы сидеть дома до конца своих дней. Мы очень рады были бы взять вас с собой, но, к несчастью, мы уже условились встретиться с некоторыми знакомыми...

– Со знакомыми? С какими знакомыми? – назойливо вопрошает дама. – Одного, я думаю, знаю: это профессор Форт, не правда ли? (С многозначительной улыбкой.) Я видела, как он вышел сегодня из дому, и догадывалась, что он отправляется на какую-нибудь экскурсию, потому что на нем было сразу два пальто. Я осведомилась об этом на его квартире, но горничная не знала, куда именно он направляется. И Риверс, молодой Риверс? Не правда ли, вы и с ним тоже собираетесь встретиться? А *groros*¹⁶, из каких он Риверсов? Я хотела бы знать, из каких он Риверсов; я знаю столько семей с этой фамилией!

– Я непременно спрошу его об этом, – отвечает Сара серьезно. – Я так прямо и скажу ему: «Скажите, а из каких вы Риверсов?» *Au revoir!*¹⁷ Трогай, кучер!

– Куда вы отправитесь завтра? Не хотите ли поехать в Везенштайн?¹⁸ Мне бы хотелось, чтобы мы все вместе приехали в Везенштайн! Потеснившись, мы могли бы все уместиться

¹⁵ Стой, кучер! (нем.)

¹⁶ Кстати (фр.).

¹⁷ До свидания! (фр.)

¹⁸ Средневековый замок, стоящий на скале в долине реки Мюглиц, в 15 километрах от Дрездена.

в одной коляске. Что вы скажете о том, чтобы провести весь день в Везенштайне? Или, еще лучше, в Тарандте?¹⁹ Как вам эта идея?..

Но коляска равнодушно удаляется, и последние слова настырной дамы тонут в пустоте.

– Благодарю Всевышнего за счастливое избавление! – восклицает Сара, переводя дух и посылая ироничный воздушный поцелуй уменьшающейся вдаль фигуре их раздосадованной приятельницы.

Теперь они уже почти у цели своего путешествия. Экипаж катит по прямой аллее из молодых каштанов и лип, мимо расстилающейся по обе стороны равнины, обдуваемой всеми ветрами, к дворцу, виднеющемуся в конце пути.

Они подъезжают к отелю *Au bon Marche*²⁰. Белинда зажимается. Здесь он или нет – пусть она не узнает этого до самой последней минуты. Вскоре радостное восклицание Сары заставляет Белинду открыть глаза, и она видит, что ей удалось обмануть богов: он здесь и, судя по его взгляду, тоже боялся, что не встретит ее.

– Как поживаете? – весело говорит Сара, подавая ему руку. – У меня есть к вам поручение от мисс Уотсон: она желает знать, из каких вы Риверсов! Я так боялась забыть об этом, что решила сразу начать с этого. Будьте готовы при следующей встрече с ней подробно рассказать о своей семье... Ба! Да он, похоже, не слышит ни одного слова из того, что я ему говорю!

Четверть часа спустя они уже сидят на простых деревянных стульях за дощатым столом под примитивным навесом, заменяющим беседку, и вежливая простодушная служанка-немка в синем переднике подает им бифштексы. Но двое из компании не чувствуют никакого аппетита. Для них что сочный бифштекс, что жирный шницель поданы напрасно. И сомнительно даже, что кто-нибудь, за исключением Сары, был вообще рад завтраку как таковому. Профессор сомневается в удобоваримости шницеля и находит неосторожным принимать пищу в первых числах мая на открытом воздухе при столь резком ветре. Он даже настаивал на том, чтобы позавтракать в небольшой гостиной отеля, насквозь пропитанной запахом пива и табака. Но его невеста любезно, но решительно объявила, что если он вздумает завтракать в комнате, то ему придется обойтись без их компании. Профессор вынужден был подчиниться, молчаливо выразив свой протест тем, что надел одно сверх другого два пальто, которые он, как верно подметила мисс Уотсон, предусмотрительно захватил с собой.

Но хотя ветер и резок, он совсем не холоден. Его порывы игриво покачивают олеандры в кадках и подвесные скворечни на ветвях деревьев, которые скворцы, очевидно, находят хорошей заменой гнездам, так как оттуда выглядывают их веселые головки.

Понравился ли едокам завтрак и пошел ли им впрок – неизвестно, но он наконец окончен, и теперь профессор Форт, нацепив очки, изучает счет.

– Шесть марок шестьдесят пфеннигов! – говорит он, провозглашая итог таким тоном, который ясно дает понять, насколько он недоволен. – Одна марка шестьдесят пять пфеннигов на человека. Это очень дорого, по-моему! Должно быть, в Германии цены на все удвоились после войны! «Viermal Bifstek!»²¹ – читает он вслух, – как выяснилось, довольно было бы и двух, так как у всех оказался такой плохой аппетит. «Zweimal Kartoffeln...»²²

Но Сара выхватывает счет у него из рук.

– Ради всего святого, пощадите нас! – кричит она. – Что может быть ужаснее, чем перечисление блюд, которые вы только что съели! Это все равно что начинать есть заново, а при моем нынешнем состоянии смерть была бы предпочтительнее!

¹⁹ Город в Германии, в земле Саксония. Подчинен земельной дирекции Дрездена.

²⁰ «По доступной цене» (фр.).

²¹ Четыре порции бифштекса! (нем.)

²² Две порции картофеля... (нем.)

Вскоре они отправляются осматривать замок – четырехбашенный, с круглыми красными куполами, множеством шпилей и слуховых окон. По пути они разбиваются на две пары, хотя это удастся не без небольшой хитрости со стороны одного из них.

– Ради всего святого, остановитесь на мгновение, чтобы восхититься этой водонапорной башенкой! – шепчет Риверс на ухо Белинде. – Нечем восхищаться? Разумеется, нечем! В жизни своей не видел более безобразного, но зато это даст нашим спутникам возможность уйти вперед!

– Уверены ли вы, что им так уж хочется уйти вперед? – спрашивает Белинда, многозначительно посмотрев на Сару, которая беспрестанно бросает через плечо встревоженные взгляды, отстает и пользуется всеми возможными предложениями, чтобы замедлить шаг; так что если она и лелеет мысль о *tête-à-tête*²³ с женихом, то скрывает это просто блестяще.

– Вовсе в этом не уверен, – отвечает молодой человек со смешком. – Но твердо уверен, что этого хочу я.

– Как вы думаете, глядя на спину моей сестры, ведет ли она себя с профессором Фортом хотя бы вежливо? – торопливо продолжает Белинда. – По внешнему виду человека можно порой многое понять. Судя по тому, как Сара туда-сюда крутит головой, ей с ним скучно. За завтраком она ему нагубила. А еще он наверняка слышал, как она шепнула мне, что он старый скряга.

– Быть может, наедине у них все в порядке, – пожимает плечами Риверс.

– Сомневаюсь.

Они подошли к замку, оказавшись на широкой, выложенной плитами террасе. Белинда облакачивается на старинную каменную балюстраду, низкую, источенную временем и непогодой. Глаза ее устремлены на высеченные из камня украшения, дышащие старомодным изяществом: застывших на фоне бледного ясного неба пухлых купидонов, крылатых мифологических существ, старинные вазы с орнаментом из лилий и роз.

Белинда смотрит на купидонов, Риверс смотрит на нее – с тем восторженным самозабвением, с каким способен глядеть на свою первую любовь физически и нравственно здоровый двадцатидвухлетний молодой человек. Для него сейчас не существует ничего, кроме этой матово-белой щеки; этого маленького надменного носика, на который Сара списывает все любовные неудачи его обладательницы; этой величавой стати, рядом с которой другие женщины кажутся приземистыми и неуклюжими. Для него все мироздание – солнце, луна, звезды, замок, профессор, бифштексы – лишь приложение к ней.

Ни в доме, ни в саду, ни в чистом поле
Он образа ее забыть не мог²⁴.

– В конце концов, – произносит Риверс с дрожью в голосе, – мне было бы совершенно все равно, пусть бы любимая женщина на людях обращалась со мной как с собакой, если бы только она была... если бы она была такой, как мне хочется, когда мы остаемся одни!

– В самом деле? – удивляется Белинда. Она внезапно меняется в лице, принимая эти слова на свой счет, и, мучительно осознавая свой неуместный румянец, прибавляет с холодным, равнодушным смехом: – Я отвечу вам словами поэта:

Что ж, таить любовь – ваше право,
Но за что же спускать меня с лестницы?²⁵

²³ С глазу на глаз (фр.).

²⁴ Отрывок из поэмы Джона Китса «Изабелла, или Горшок с базиликом», написанной в 1818 году. Перевод Г. Гампер.

²⁵ Цитата из популярной в XIX веке шуточной пьесы Джона Кембла, которая стала крылатым выражением. Смысл ее в

Бедный юноша опешил; да и какой юный и пылкий влюбленный не был бы сражен таким оборотом, приданным его нежному признанию? А между тем в глубине души Белинды жила такая же нежность, что и у него, хотя ни один человек в мире не смог бы об этом догадаться. Теперь они оба, опершись локтями о балюстраду, смотрят вниз на зеленеющие травой газоны и на чопорные пихты, подстриженные так, что их кроны издалика напоминают тисы. А за травой и пихтами виднеется синяя полоса воды, покрытой мелкой рябью, которая, точно широкий ров, опоясывает замок. В саду под пихтами видны фигуры двоих людей, которые степенно прогуливаются.

– Вот и они! – восклицает Белинда, указывая на них и радуясь предлогу прервать натянутое молчание. – Неужели она взяла его под руку? Нет, я так и думала, что этого не может быть! Интересно, скоро ли она решится сообщить ему, что не намерена выходить за него замуж?

– Разве именно это она собирается ему сказать? – спрашивает Риверс, в котором из сочувствия проснулся интерес; он вытягивает шею, чтобы разглядеть их получше. – Бедный старый дурак!

Белинда кивает.

– Думаю, да. По крайней мере, еще с утра она собиралась ему это сказать. И, если я не ошибаюсь, его мелочный спор из-за счета за завтрак решил его участь.

Глава IV

В каждом благонаправном юноше, как мне представляется, уже расцветает некий будущий рай, согреваемый образом прекраснейшей Евы²⁶.

Вскоре Белинда и Риверс двинулись дальше и, спустившись по выложенному плитами склону, перешли по мосту в Королевский сад. Они медленно идут по широкой аллее, посыпанной мелким гравием, вдоль которой, точно часовые, высятся пихты. Впрочем, они давно утратили всякое сходство с пихтами: подстриженные, как и их собратья у замка, на манер тисов, они превратились в такие высокие и узкие «сахарные головы», что лесная родня ни за что бы их не признала. Спутники идут молча. Быть может, на их юные души усыпляюще подействовали этот покой и чинная тишина вокруг. А быть может, слова даются им теперь не так легко, как месяц назад. Тишину прервала Белинда:

– Должно быть, эта обязанность в конце концов выпадет опять-таки мне, – говорит она со вздохом.

– Какая обязанность? – мечтательно спрашивает Риверс.

Он уже совсем позабыл о профессоре Форте, погрузившись в приятные раздумья о том, была ли когда-либо прежде на свете женщина с такой милой верхней губой.

– Сказать профессору Форту, что я не думаю, будто ему суждено стать моим зятем, – отвечает она улыбаясь.

– Вы полагаете, что мисс Черчилль уклонится от этого? – рассеянно спрашивает ее собеседник.

Профессор все еще представляется ему неким туманным пятном. Риверс занят теперь разглядыванием подбородка Белинды. Бывал ли когда-нибудь на свете столь прелестный круглый подбородок?

– Полагаю, что да; она обычно так и поступает.

– «Обычно»! – на миг пробудившись от своего забытья, повторяет Риверс в глубоком изумлении. – Разве это часто случается?

– Я нечаянно обмолвилась, – отвечает Белинда смеясь, – это бывало уже раза два или три.

– А вы?

Дерзкий ветер растрепал ей волосы и бьет небольшой прядью ее по щеке. Сколько лет своей жизни – десять? пятнадцать? двадцать? – он отдал бы, чтобы ему позволили убрать эту прядь ей за ухо?

– А я? О! Я осушаю глаза жертв и наставляю их, что на ней свет клином не сошелся.

– А ваших? – Этот маленький локон все так же отвлекаяще пляшет; должен ли он сказать ей об этом? – Кто осушает глаза ваших жертв?

– У них нет глаз, которые нужно было бы осушать, – поспешно отвечает она. – Я не хочу этим сказать, что они слепы, но только таких людей не бывает... их вовсе нет на свете.

– Вы хотите, вероятно, сказать, – говорит Риверс, краснея, – что я не имел права спрашивать о них?

– Я хочу сказать только то, что сказала, ни более ни менее: таких людей нет на свете!

Тон Белинды холоден и резок, как у человека, желающего закрыть неприятную тему. На самом же деле всею виной глубокая застенчивость – робость оттого, что о ней говорят, и

²⁶ Цитата из философского романа Томаса Карлейля *Sartor Resartus* («Перекроенный портной»), опубликованного в 1831 году.

говорит именно он; но со стороны это кажется ледяным высокомерием, пресекающим дерзкое вмешательство. Белинда сама с горечью сознает это.

«Мудрено ли, что никто никогда не любил меня?» – говорит она сама себе.

Ясно, что и он так понял ее слова.

– Я оскорбил вас! – восклицает Риверс в отчаянии. – Ах, лучше бы я сегодня сюда не приезжал! Мне сегодня совсем не везет. Вы позволили профессору Форту высадить вас из коляски! Вы позволили ему подать вам картофель...

Белинда невольно улыбается.

– Напротив: профессор советовал мне не брать его, говоря, что он прогорклый...

– Вы попросили его поднять ваш носовой платок!

Тут Белинда улыбается еще шире.

– Он, однако, не воспользовался этой возможностью. Я думаю, что его колени недостаточно гибки для того, чтобы у него возникло желание поднять платок даже за Сарой.

Говоря это, Белинда беспечно заправляет выбившуюся прядь волос, но маленький завиток снова выбивается и резвится на ветру.

Риверс с силой засовывает руки в карманы, чтобы не поддаться неудержимому, хотя и чудовищному искушению помочь ей справиться с этим завитком.

– Если бы вы знали, – говорит он торопливо, – как я мучился, когда вы подъезжали к отелю, как страшно боялся, что вы сочтете меня наглецом за то, что я навязался вашей компании... боялся, что вы уничтожите меня одним из ваших ужасных ледяных взглядов.

– Одним из моих ужасных ледяных взглядов? – повторяет Белинда с удивленным видом. – Как странно! Интересно, как это у меня получается?

– Можете считать меня каким угодно ослом, если вам угодно, – торопливо продолжает Риверс, – а возможно, так оно и есть, – но даю вам честное слово: в первую минуту я не посмел на вас взглянуть. Я зажмурился!

На это Белинда лишь молча улыбается.

– Скажите ради всего святого, что вы такое сделали, что я так ужасно боюсь вас? – продолжает юноша с возрастающим волнением. – Вы никогда не бываете грубы; вы не издеваетесь; никогда не сердитесь, говорите всегда ровно, и, однако...

– И, однако... – доканчивает Белинда за него с горькой улыбкой, – ...и, однако, у вас душа в пятки уходит при виде меня! Я знаю, что все вы меня боитесь. С тех самых пор, как я выросла; нет, раньше того – право, кажется, уже с четырнадцатилетнего возраста, я стала внушать страх... все постоянно твердят, что меня боятся. Как это приятно слышать! Признайтесь, что вам говорили, что я внушаю ужас, еще до того, как вы познакомились со мной?

В волнении она останавливается и оказывается прямо перед своим спутником; краска заливает ей щеки, а глаза замирают на его лице в повелительном ожидании.

Риверс не сразу находит, что ответить. Он с восторгом смотрит на ее разгоревшееся лицо, спрашивая себя: есть ли в целом свете другая женщина с таким очаровательным нежным румянцем на белых, как лилии, щеках? Белинда настойчиво повторяет свой вопрос:

– Ведь говорили?

– Мне... мне говорили, что вы умеете осаживать мужчин.

– И вы убедились, что это правда? – спрашивает она тревожно. – Разве я... разве я когда-либо осаживала вас? – прибавляет она после некоторого колебания.

На этот вопрос девушка, сказать по чести, ждала отрицательного ответа, а потому особенно поражена немедленно последовавшим энергичным подтверждением:

– Еще как – и не сосчитать сколько раз!

– Неужели? – произносит она в искреннем недоумении. – Как? Когда? Где? Что же именно я делаю?

Риверс не отвечает.

– Уж не кажется ли вам, – спрашивает она, вспоминая обвинение Сары в презрительном обращении, обидном для мужчин, – что я отношусь к вам свысока?

– Свысока? О да! – восклицает Риверс порывисто. – При вас чувствуешь себя таким маленьким, таким ничтожным! Но дело не в этом. К этому я был готов, я слышал, что это в вашем духе.

Белинда горько смеется.

– Какая очаровательная черта!

– Бывают дни, когда я чувствую... не знаю, отчего это происходит... но мне кажется иногда, что вы очень далеки от меня, стоите высоко надо мной, как...

– Как что?

– Словно я здесь, внизу, а вы...

– А я – что? (С искренним и озадаченным любопытством.)

– А вы... а вы – одна из небожительниц там, в вышине! – заканчивает юноша в полнейшем смущении. Увы, любовь не добавляет ему красноречия.

– Одна из небожительниц? – повторяет Белинда, уязвленная этим затертым сравнением. – Ангел, короче говоря! Неужели я всегда должна быть ангелом или богиней? Если бы кто-нибудь знал, как мне тошно быть богиней! Клянусь, я была бы благодарна, если бы меня для разнообразия назвали фурией или ведьмой!

С этими словами она демонстративно поворачивается к собеседнику спиной и уходит по дорожке вдоль воды, словно у нее появилось какое-то важное дело. Одурманенный любовью Риверс безмолвно следует за ней в пристыженном раскаянии. Он мучительно осознает безнадёжную пошлость своего последнего сравнения, но из-за волнения совершенно неспособен исправить положение какой-нибудь более изящной фразой.

Вскоре они углубляются в сосновый бор, направляясь к Малому замку – причудливому младшему брату Большого замка. Под соснами обильно и запоздало цветут голубые печеночницы, а молодые звездчатки открывают весне свои свежие глазки. Невзирая на штраф в десять пфеннигов, грозящий всякому неосторожному смертному, покинувшему проторенную дорожку, Белинда сходит с нее на лужайку и принимается собирать полевые цветы. Послушно следуя за ней, Риверс тоже рвет цветы, и вскоре его букет превосходит ее по величине.

– Хотите взять эти цветы? – застенчиво предлагает юноша, потому что обида Белинды лишила его последней капли мужества. – Или... или хотите, я понесу их за вас?

– Благодарю, я лучше сама понесу их, – отвечает она, протягивая за цветами хорошенькую руку без перчатки. – Они вознаграят меня за гардении, которых я лишилась по чистой случайности, – прибавляет она с улыбкой. – Знаете ли вы, что мне не позволили даже их понюхать? Разве я не перенесла свою потерю героически?

Затем с легким колебанием Белинда подает спутнику набранный ею маленький букетик.

– Поменяемся? – предлагает она с кротким взглядом. – Хотите, – девушка мягко поддразнивает его испуганный тон, – хотите взять их? Или... или мне понести их за вас?

Риверс не отвечает; не в силах отвечать. К его глазам подступают слезы. Он очень молод, любит впервые, и при виде протянутой белой ручки с букетом ему кажется, что небо над ним разверзлось. Бывают дни, когда всем нам кажется, что небо разверзлось, но по большей части уже на другой день оно снова закрывается.

Сосны над ними покойно тянули свои темные верхушки к ясному небу, которое выглядело суровым, но не недобрым. Здесь яркий ветер был усмирён и шептал едва ли громче, чем двое молодых людей в своем надежном убежище.

Какими словами восторга Риверс поблагодарил бы свою спутницу – теперь уже не узнать. Он безмолвно принял дар, какою-то железной силой воли удерживая себя от того, чтобы хоть на миг задержать в своей ладони эти прохладные бледные пальцы, которые лишь на мгновение коснулись его и тут же невинно отстранились. Слова благодарности, с трудом пробивавшиеся

к его губам, были навеки изгнаны звуком звонкого девичьего голоса, отчетливо прозвучавшего в тихом лесу:

– Где вы? Куда вы пропали? Мы повсюду вас ищем! – кричит Сара. – А вы искали нас? Ах, очевидно, что искали! – иронично смеется она. – Что ж, теперь вам повезло – вы нас нашли!

Появление Сары возвращает их с неба на землю.

– Известно ли вам, что за сошествие с тропы полагается штраф в десять пфеннигов? – кричит издали профессор, но никто его не слушает.

– Вы рвете цветы? – спрашивает Сара. – Как мило! Нарвите и мне. – Затем, обращаясь к Риверсу, шутливо замечает: – Я не жадная; удовольствуюсь тем жалким маленьким букетиком, который вы держите так крепко. Отдайте мне его!

Но при этих словах к юноше возвращается дар слова.

– Не отдам, хотя бы вы на коленях просили меня об этом! – патетично восклицает он, высоко поднимая правую руку с дорогим ему предметом над ее маленькой капризной головкой.

– Хотя бы я просила вас на коленях? – повторяет она тоном глубочайшего недоверия. – Послушайте, однако, *c'est trop fort!*²⁷ Так и подмывает поймать вас на слове!

И, говоря это, она медленно опускается на колени прямо на примятую траву и, сложив руки как на молитве, возводит на него взор. Приняв тот детский, умильный тон с кокетливыми ужимками, силу которых она не раз уже испытывала, Сара произносит:

– Прошу вас, отдайте!

Но она могла бы с таким же успехом обращаться к одной из соседних высоких сосен. Риверс даже не отворачивается от нее, как если бы боясь при взгляде на нее смягчиться. Напротив, он прямо смотрит ей в глаза и упрямо отчеканивает:

– Не отдам, хотя бы вы простояли на коленях до Страшного суда!

– Что вы там делаете, Сара? – снова доносится голос профессора с дорожки, на которой удерживает его страх перед штрафом в десять пфеннигов. – Разве вы не знаете, что хотя трава и кажется сухой на поверхности, но почва все еще содержит большое количество влаги!

Но его слова вновь слышит лишь ветер.

– Хотя бы я простояла на коленях здесь до Страшного суда? – повторяет Сара, все еще не веря собственным ушам; а затем, мудро рассудив, что иного пути не остается, со всем возможным изяществом заявляет: – Если так, то, конечно, я встану с колен немедленно!

Говоря это, она поднимается – по-видимому, ничуть не смущенная – и отряхивает травинки с колен, которые преклоняла напрасно.

– Хотите ли вы посмотреть, как будут кормить королевских кабанов? Ведь вы, кажется, сами выразили желание увидеть это? – зовет профессор в третий раз с явным раздражением в голосе, вызванным пренебрежением к его предыдущим замечаниям.

– Королевских кабанов? – повторяет Сара вполголоса, опускаясь до сомнительного каламбура²⁸ и сопровождая его подобающим подмигиванием. – Как вы думаете, найдется ли в королевском зверинце место еще для одного? Если так, я могла бы предложить ему свой экземпляр! Да (возвышая голос и направляясь к своему жениху), конечно, мы идем!

Но не пройдя и двух шагов, она вдруг останавливается и, вернувшись к сестре, решительно берет ее под руку.

– Белинда, – говорит она твердо, – ты не видела Малого замка, ты не видела маяка, ты не видела фазаньего двора! Ты обязана поглядеть на кабанов!

И говоря это, торопливо тащит ее за собой, а Риверс, внутренне проклиная Сару, вынужден последовать за ними вместе с профессором, с которым у него было так же мало общего, как у всякого не обремененного чтением, любящего спорт студента с исключительно чопорным и

²⁷ Это уж слишком! (фр.)

²⁸ Здесь каламбур строится на созвучии слов *boar* (кабан) и *bore* (зануда).

педантичным преподавателем. Профессор, чье отношение к студенчеству проявлялось лишь в его неприязни к оному, тоже не слишком в восторге от такого расклада.

Впрочем, это длится недолго. Через несколько минут быстрой ходьбы они выходят к лесной вырубке – песчаному пятачку, обнесенному оградой, где подопечные его величества короля Саксонии получают свой ежедневный рацион.

Девушки присаживаются на деревянную скамью, предназначенную для зрителей. Множество отталкивающих тварей уже собралось за оградой: они роются в земле и сопят. У них непомерно длинные рыла, темная щетина и большие уши; их задние части как у гиен придают им нелепый, непохожий на свиней вид. Среди них выделяются свирепые старые секачи с вздернутой над грозными клыками верхней губой; косматые, как медведи, с серой шерстью, блестящей от грязи, в которой они только что валялись. Каждую минуту прибывает пополнение: то один, то два новых кабана выбегают из леса и, тревожно наострив уши, трусят к месту кормежки, боясь опоздать.

В их большом семействе нет дружелюбия: они злобно кусаются, визжат, сердито хрюкают и то пускаются в яростную погоню, то поспешно спасаются бегством. Маленькие поросята, рыжеватые и полосатые, как крошечные тигры, мило семят вокруг, пока еще милые и бесхитростные.

Очарованная грацией одного из таких малышей Сара бросается за ним вдогонку и теперь носится по всей арене. Профессор, обрадованный тем, что нашел на песке сухое местечко, стоит поодаль на одной ноге, подобно аисту, осторожно проверяя подошву другого ботинка на предмет влаги.

Риверс и Белинда снова остаются одни.

– Я ее когда-нибудь убью! – говорит юноша с сердитой улыбкой, грозя кулаком в сторону резвящейся Сары.

Но, судя по всему, уши у Сары не короче, чем у ее добычи.

– Кого это вы убьете? – кричит она, внезапно останавливаясь. – В этого поросенка словно бес вселился! Не могу его поймать, да и не знаю, что бы я с ним делала, если бы поймала! Ну так что, – спрашивает она, снова подойдя к ним, – кого вы там собирались убить?

– Вас, – твердо отвечает молодой человек, хотя в глубине души его немного пугает то, как далеко разносится его голос. – Да, вас, – говорит он, глядя ей прямо в глаза своими честными красивыми глазами, в которых сейчас полыхает гнев. – И если я вас не убью, как мне того хотелось бы, то в один прекрасный день я с вами обязательно расквитаюсь, помяните мое слово!

Сара посмотрела на него с холодным любопытством, но ничего не ответила. В ее уме промелькнула вспышка почти сострадательного изумления: неужели мужчина, обладающий зрением и прочими органами чувств, мужчина столь пылкий и интересный, может смотреть на нее с таким непритворным безразличием, да еще и приправленным неприязнью? Риверс мгновенно вырос в ее глазах. Отвернувшись, она задумчиво побрела обратно к кабанам.

* * *

В этот вечер, когда обе девушки возвращались домой в коляске, Сара первая прерывает молчание, длившееся в продолжение нескольких миль.

– Белинда, – объявляет она внезапно, – по всем человеческим и божеским законам тот букет твой! Гардении уже завяли, стали цвета старой кожи и пахнут скорее противно, чем приятно, но каковы они ни есть, а я возвращу их тебе, так как они твои!

Но бедная Белинда рада получить свой букет даже и на таких условиях.

Глава V

*Он знал, чей робкий палец защелкнул
Засов, еще не видя милых глаз;
Он с башни за окном ее следил
Зорчей, чем сокол в предвечерний час;
Молился – и молитвой тайной был
Тот небосвод, что взору лик ее явил;
И всю-то ночь томился он, любя,
Шаг утренний на лестнице ловя²⁹.*

Над прекрасным городом Дрезденом взошло новое утро – солнечное, веселое, полное жизни и сил. Там, где вчера на груше сиротливо качалась одна гроздь соцветий, сегодня их уже двадцать. Маленькие листочки начинают смелее пробиваться сквозь свои тесные оболочки.

Конечно, Белинда не могла вырасти за одну ночь, но и в ней сегодня утром проявилось нечто похожее на весенний расцвет: словно и она раскрывала свои листья, являя солнцу робкие побеги.

Обе девушки сидят в хорошеньком, уставленном гиацинтами и фарфором «англизириванном» салоне, окна которого выходят на улицу. Утреннее солнце не освещает эту сторону дома, отчего комната кажется темной; но тем не менее все шторы на окнах опущены до самого низа, и ни одна из сестер не делает попытки поднять их, что было бы вполне естественно.

– Итак, ты ничего ему вчера не сказала? – спрашивает Белинда неодобрительным тоном.

Сара качает головой.

– Нет; узы любви все еще связывают нас! – отвечает она с гримасой.

– Но ты скажешь сегодня?

– Нет!

– Значит, завтра?

– Не думаю.

– Послезавтра?

– Это маловероятно.

– Если ты ждешь, – прерывает Белинда вязание чулка, чтобы строго взглянуть на сестру, и отчеканивает каждое слово, – что я сделаю это за тебя, то, повторяю, ты не дождешься.

– Я знаю, – спокойно отвечает Сара. – С тех пор как поняла, что ты занята собственной маленькой охотой, я отказалась от этой мысли!

– Охотой! – вскрикивает Белинда с негодованием и вся вспыхивая. – Ты первая, кто осмелился сказать, будто я за кем-то охочусь!

– Ты была бы гораздо милее, если бы это было так, – холодно возражает Сара. – Ну, не будем спорить о словах. Я ведь не упомянула о том, какую роль ты играешь в этой погоне: роль охотника или роль зайца!

Но Белинда сердито склоняет свою белокурую головку к чулку и молча, с раздражением вяжет его.

– В конце концов, – продолжает Сара, равнодушно сбрасывая дремлющего мопса с кушетки и сама растягиваясь на ней, – с моей стороны это чистейшая самоотверженность; никто не признаёт за мной никаких добродетелей, а между тем я действую почти исключительно в твоих интересах! – Она останавливается на минуту, ожидая реакции Белинды, но та

²⁹ Отрывок из поэмы Джона Китса «Изабелла, или Горшок с базиликом». Перевод Г. Гампер.

не достаивает ее ни звуком. – Предположим, что я дам отставку своему Соломону – что я буду делать во время тех бесконечных сельских прогулок, которые я предвижу впереди? Ведь нельзя же предоставить тебе гулять с Риверсом tête-à-tête! Решительно нельзя! Это превзошло бы терпимость бабушки, да и мою тоже. Я тщетно ищу на горизонте парус... я подразумеваю пару для себя! Иначе мне пришлось бы все время отворачиваться или же перехватывать нежные взгляды, предназначенные не мне.

– И таким образом, – отвечает наконец Белинда, приподнимая лицо, которое продолжает пылать, – ему придется еще некоторое время повисеть на крючке? Нельзя ли узнать, как долго это продлится?

– Как долго? – повторяет Сара с лукавым взглядом. – Тебе на это легче ответить, чем мне! Ровно до тех пор, пока Риверс будет биться на твоём крючке!

Белинда вздрагивает. Да и кто, пребывая в трепетном экстазе первой любви, не содрогнулся бы от такой фразы?

– Ну послушай, – говорит Сара, сползая с кушетки, принимая свой самый заискивающий тон и усаживаясь на полу у ног сестры, – расскажи мне про него! Я доверила тебе столько трогательных подробностей о моем возлюбленном и, если ты будешь паинькой, расскажу еще немало; но откровенность должна быть взаимной: что он здесь делает? Зачем он приехал в Дрезден?

– Он учит немецкий, – неохотно отвечает Белинда.

– Гм! Любопытно, много ли он успел выучить? – с сухим смехом замечает Сара.

Мне книгой были – женский взор,
А то, чему из этой книги
Я научился до сих пор, —
Была лишь глупость да раздор³⁰.

В ответ на эту шутку Белинда решительно отодвигает стул, оставляя сестру сидеть одну на полу.

– Чем он занимается у себя дома? – продолжает Сара свой допрос, не обращая внимания на явное неудовольствие сестры.

– Он только что окончил Оксбридж, – слышится угрюмый ответ.

– Где он, вне сомнения, получил высшие баллы по всем наукам! – иронично улыбается Сара.

– Он был загребным в университетской «восьмерке» в прошлом году! – выпаливает Белинда, вспыхнув под этой насмешкой.

– Он живет с родителями или уже самостоятельный человек?

– Не знаю.

– Но у него есть отец?

– Да, есть.

– И кто же он? Я имею в виду – чем занимается?

– Кажется... коммерцией, – нехотя отвечает Белинда.

– Коммерцией? – повторяет Сара, приподняв брови с видом некоторого неудовольствия. – Ну что ж, – добавляет она уже примирительнее, – коммерция коммерции рознь! Ты имеешь хоть малейшее представление, что это за дело?

– Ни малейшего.

³⁰ Строчки из стихотворения ирландского поэта Томаса Мура. Перевод А. Плещеева.

– Что ж, мы живем в либеральный век, – пускается в рассуждения Сара, – но где-то же надо провести черту. Я провожу ее на искусственных удобрениях! Ну же, признайся, есть ли у тебя причины полагать, что это искусственные удобрения?

Белинда невольно прыскает, но тут же сдерживает себя.

– Вполне возможно. Я никогда его об этом не спрашивала.

– Помнишь того коротышку-француза, всего в орденах – одних крестов Почетного легиона и Святого Духа на нем была целая дюжина? Мы его встретили на балу в Каннах, и он сообщил нам, что он *dans le commerce*³¹, и когда я спросила, в какой именно отрасли, и предположила, что, быть может, он *dans les vins*³², с каким величием он отвечал мне: «*Non, mademoiselle; je suis dans les bougies!*»³³

Наступает молчание. Мопс поднимается с холодного паркета и, помахивая хвостом, все еще полуподжатым от сонной неги, деликатно перебирается к Саре и с глубоким, долгим вздохом устраивается на ее теплых коленях.

– Судя по виду, нельзя и подумать, чтобы твой приятель был *dans les bougies*, – продолжает Сара великодушно, – еще менее *dans le...* право, я не знаю, как по-французски «искусственные удобрения»! Как, однако, бабушка мало позаботилась о нашем образовании!

Но Белинда не слушает сестру. Ее голова приподнята, лицо сияет. Ее тонкий слух уловил шаги в передней – шаги, которых не почуяла даже Слатти, – походку, которую она сразу отличила от тяжелой поступи служанки Густель.

– А, это вы! – говорит Сара не слишком-то приветливо, поднимаясь с пола, когда Риверс, ведомый маленьким английским пажом, разделяющим вместе с Густель хлопоты по хозяйству, входит в комнату.

Она презрительно подает ему два пальца. К чему давать больше человеку, который берет их так, словно это связка хвороста? Она могла бы подать ему все десять пальцев или ни одного – он бы этого и не заметил. Его глаза скользнули мимо нее к той, что всю ночь преследовала его в радужных снах, жадно вопрошая: неужели это впрямь она, живая и настоящая?

– Быть может, вы поможете нам, – говорит Сара с невинным взглядом. – Мы тут как раз гадали, как по-французски «искусственные удобрения»?

Гость не слышит. Рука Белинды в его руке разливает лето по его жилам, а его счастливые глаза утопают в ее, столь же счастливых. Но Белинда слышит все.

– Моя сестра задала вам вопрос, – поспешно и тихо замечает она.

Риверс вздрагивает и неохотно поворачивается к Саре.

– Извините, я не расслышал, что такое вы сказали?

– Я лишь спросила, знаете ли вы, как по-французски «искусственные удобрения»? – отвечает она с притворным смирением.

– «Искусственные удобрения»? – изумляется Риверс. – Разумеется, нет! С чего бы мне это знать? И зачем это вам? Это что, загадка?

И даже для этого разъяснения он снова поворачивается к Белинде, так же неизбежно, как подсолнух к солнцу.

– Мы лишь беседовали об... агрономии, не так ли, Белинда? – отвечает Сара, злорадно улыбаясь при виде явного замешательства сестры, совершенно непонятного Риверсу.

То, что его Эгерия³⁴ может выглядеть нелепо – а она, бесспорно, именно так сейчас и выглядит, – никогда бы не пришло ему в голову; но лишь полная слепота могла бы помешать

³¹ В торговле (фр.).

³² По винной части (фр.).

³³ Нет, мадемуазель, я торгую свечами! (фр.)

³⁴ Эгерия – в древнеримской мифологии нимфа, обладавшая даром пророчества и ставшая советницей и супругой царя Нумы Помпилия. В литературе XIX века это имя стало нарицательным для обозначения женщины-вдохновительницы, чей ум и красота ведут мужчину по жизни.

ему заметить внезапный алый каскад, заливший ее лицо. Он видит только, что Белинда вспыхнула как огонь, и на мгновение у него мелькает блаженная мысль, что, может быть, именно он причина этого румянца и смущения, но тут же смиренно (так как искренняя любовь всегда бывает смиренна) прогоняет эту мысль, которая кажется ему слишком прекрасной, чтобы быть правдой.

Быть может, его пристальный взгляд и молчание смущают девушку. Конечно, он должен что-нибудь сказать. Нельзя же молчать, когда пришел с визитом.

– Почему вы сидите в потемках? – спрашивает Риверс, глядя на старательно опущенные шторы. – Солнца с этой стороны не бывает, да и сегодня оно совсем не яркое.

– Не правда ли, как мрачно в этих потемках? Нам так нравится свет и свежий воздух, – отвечает Белинда, постепенно приходя в себя, – но делать нечего; мы вынуждены опускать шторы из-за мисс Уотсон.

– Из-за мисс Уотсон? Я вас не понимаю.

– Она живет на противоположной стороне улицы, чуть дальше, установила у себя на окне какую-то подзорную трубу или телескоп и изучает нас вдоль и поперек. Она сама торжественно объявила нам во вторник, что видит решительно все, что мы делаем! Я даже думаю, что по движениям наших губ она понимает, о чем мы беседуем!

– Если бы я знала это наверняка, – ехидно замечает Сара, – какие бы ужасы я стала про нее говорить!

– Кончится тем, что нам придется съехать с этой квартиры, – продолжает Белинда, пожимая плечами. – Одна наша знакомая вынуждена была так сделать. Она наняла квартиру, окна которой выходят на высокую глухую стену, и только теперь считает себя в безопасности.

– Мисс Уотсон соединяет в себе худшие качества носорога и комара, – сурово изрекает Сара, – но самой отвратительной ее чертой я считаю то, что она вечно пристает к нам, чтобы мы ездили с ней за город.

– Когда так, то я боюсь, что вы сочтете меня вторым изданием мисс Уотсон, – говорит Риверс, со смущением переходя к цели своего визита, – потому что я явился к вам сегодня как раз с таким же предложением!

– Опять ехать за город? – восклицает Сара далеко не восторженным тоном. – Господи! Да мне кажется, что мы всего пять минут как вернулись с последней прогулки.

– Было бы, следовательно, пустой вежливостью спрашивать, понравилось ли вам? – отвечает Риверс с деланным смехом. – А вам? – И «подсолнух» снова жадно поворачивается к своему «солнцу».

– Мне не было скучно, – отвечает Белинда натянутым голосом. – Я люблю загородные прогулки. Мне понравился Морицбург.

Вот и все, что она нашла сказать о тех часах, которые заставляли его томиться от желания в ожидании, заикаясь от блаженства в процессе и пьянеть от радости в воспоминаниях!

Риверс глядит на нее с напряженной тоской, почти с недоверием, но Белинда не отвечает на его взгляд. Да и может ли она решиться взглянуть на него, зная по долгому опыту, что у Сары есть глаза на затылке? У Сары, которая в эту самую минуту повернулась к ним спиной и, как в невинности души воображает их гость, совершенно поглощена своим занятием, а именно поднесением к носу бедного мопса, которому, как она уверяет, будто бы дурно, флакона с солями.

– Я думал, – говорит Риверс унылым голосом, – что хорошо было бы съездить сегодня в Везенштайн или, если хотите, в Тарандт.

– Вы, право, должны быть в родстве с мисс Уотсон! – хохочет Сара. – Везенштайн! Тарандт! Это ее любимые места! Если мы не хотим ехать в Везенштайн, то отправимся в Тарандт, а не хотим в Тарандт – то в Везенштайн! Боже мой! – Вдруг она перестает хохотать: – Тьфу-тьфу! Я слышу ее на лестнице. Только ее голос можно расслышать сквозь двойные двери.

– Она пришла заставить нас поехать с ней в Везенштайн! – говорит Белинда в полнейшем отчаянии.

– Это перст Провидения! – кричит Сара, опять принимаясь хохотать. – Мистер Риверс, вы желаете ехать в Везенштайн. Она тоже хочет ехать в Везенштайн! Почему бы вам не поехать туда вместе? Хотите, я это для вас устрою?

– Если вы это сделаете, – говорит молодой человек, с угрозой подходя к ней и таким тоном, в котором слышится искренний испуг и крайнее раздражение, – я...

– Вы меня убьете! – дерзко перебивает Сара, договаривая за него. – Помню. Вы вчера это говорили. Придумали бы какую-нибудь новую угрозу.

На минуту все умолкают и прислушиваются.

– Кажется, это была ложная тревога, – говорит Белинда, с облегчением переводя дух.

– Нет, не ложная! – замечает Сара, качая головой. – Голос этого бизона ни с чем не спутаешь. Она просто остановилась на лестнице и расспрашивает Томми о том, какое он получает жалованье и вдоволь ли бабушка его кормит!

Глава VI

Увы, это оказалась чистая правда. Сара еще не успела договорить, как уже дверь открывается и перед ними предстает красное лицо с седоватой бахромой волос на лбу и клетчатое черно-белое платье, которого все они с таким трепетом ожидали.

– Принимаете гостей? – гремит луженая глотка, и особа, обладающая этим органом, входит, не дожидаясь ответа на свой вопрос. – Все живы-здоровы?

– Мы все живы, – мрачно отвечает Сара, еще небрежнее подавая ей руку, чем перед тем Риверсу. – Что же касается «здоровы»...

– Почему вы сидите в потемках? Почему все шторы у вас опущены? – задыхаясь, перебивает незваная гостья, не в силах более сдерживать любопытство, которое душило ее все время, пока она поднималась по высокой каменной лестнице.

Наступает момент оцепенелого безмолвия, так как в умах присутствующих холодной вспышкой проносится мысль, что они перехитрили самих себя.

– Я случайно взглянула на окна, проходя мимо, – продолжает мисс Уотсон, – и увидела, что все шторы опущены. Я подумала, что разумнее будет немедленно выяснить причину; но не могла добиться удовлетворительного ответа от вашего пажа; Томми, кажется, его зовут. Я немного поговорила с ним на лестнице, пока шла сюда; не кажется ли вам, что он не слишком-то сообразителен, этот Томми?

– Мы нарочно взяли его из приюта для идиотов, чтобы меньше платить, – серьезно отвечает Сара; и Риверс, как ни был он одурманен любовью, раздражается громким хохотом.

– Бабушка здорова?

– Вы, полагаю, думаете, что она умерла и что поэтому у нас шторы опущены? – иронично замечает Сара. – Благодарю, она вполне здорова, но еще не вставала. Видите ли, сейчас еще довольно ранний час!

При этом косвенном намеке Риверс вздрагивает. Разве он не относится в равной мере и к нему? Но на ту, в кого этот намек метил, слова не производят равным счетом никакого впечатления.

– Из Англии нет дурных вестей, а?

– Нет.

– Я уж боялась, – и глаза ее вопросительно оббегают всех присутствующих, – видя, что шторы опущены, не получили ли вы известия о смерти кого-нибудь из родственников. Нет? Прекрасно, так почему же все шторы опущены?

Минутное молчание. Какой вопрос может быть проще и одновременно сложнее? Наконец Сара сухо произносит:

– Во всяком случае, теперь уже нет причины не поднять их. Мистер Риверс, пожалуйста, поднимите шторы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.